

не востановились. Как и во всяком художественном явлении, И, прежде всего, — насколько Станиславский был истинным тургеневским героем, до же с некоторым парочкою тургеневского чудотворца, которая составляла женщинам устремиться от Ракитина к Вильяму, настолько г-жи Киплер совершенно не удалось тургеневская героиня. Не удалось до такой степени, что тут нельзя было переплюнуть, указаний, и подлежать, что, признать их по минимуму, артистка достигнет того, что нужно. Не было главного: той обязательности, которая отделяла женщину Тургенева от всяких других женщин. Между тремя мужчинами интеллигентная женщина, оставшаяся чистой и обязательной; готова, некоторое время, постройте свое счастье на несчастьи воспитанницы Вирочки, и все-таки ей должны принадлежать симпатии зрителей, как принадлежат ей симпатии Тургенева. Той Натальи Петровны, которую мы видели вчера, симпатии зрителей не принадлежали. Она была суха, желчна; из ней было больше чувственности, чьей чувств.

Я скажу я еще, что Вирочка, очень милая, очень стильная, истопная славы, чистая, поэтическая девушка, — все это было, но не было другого: той значительности внутреннего содержания, которое позволяло ей затмить вырости и стать равной Наталье Петровне. Вирочка г-жи Кереневой — не она, но она не выросла из копыт ее.

И скажию о В. — отнесу и к г-ну Болеславскому-Вильяму: все те же комплименты и тот же упрек. Ему, пожалуй, даже больше комплиментов, хотя, во имя достоинства Натальи Петровны, лучше не, чтобы не только известно было и ее прекрасен.

Я скажу я еще, что была и неинтересна была компаньонка, и, сказав все это, я поспешу возвратиться к тем, похвалам, которыми полна первая половина этой статьи.

И еще раз огорчусь: не потому только театр отстоял этих горячих похвал, что великодушный Станиславский, что прекрасный г. Гривушнев-Шингиский, что очень хорошие Исачева — г-жа Самарова, Аркадий — г. Маселитников, Яковлев Шаффе — г. Завальев, Большинов — г. Уралов, — а потому, что во всем спектакль была такая гармоническая стройность, такая красота и чистота, что и отдаленные моменты великолепны, и отдаленные мгновения, и даже самая неуклюжая роль — не нарушила общего стройного, политического, прекрасного...

Волово безъ пѣсни.

Тургеневъ и Станиславскій.

Рассказъ о тур.

— А Ракитин! — это я!

Сказалъ Тургеневъ Самойла послѣ перваго представленія въ 1879 году на сценѣ Александринскаго театра „Мѣсяца въ деревнѣ“.

Можетъ-быть, эта автобиографичность и придала „Мѣсяцу въ деревнѣ“ столько митинго-Тургеневскаго.

Столько скорбно-красиваго. Столько и ближних полутоновъ. Столько тихихъ аккордовъ.

Переживаній.

Точно въ сумерки, песенія сумерки — то невидимый поэтъ тихую нѣсь воспоминаній. Такихъ далекихъ. Такихъ близкихъ. Такихъ близкихъ.

И когда на спектакляхъ Художественнаго театра я слышалъ отъ меня: — Устарѣло!

И вникалъ въ этотъ театр. Значитъ, онъ, и только онъ, не суждалъ того, что нѣко. Что не знаетъ „сери“. Что всегда „сезонна“.

Разъ можетъ устарѣть тоска весенней ночи, истома первой любви, унылая мизантропия?

Не можетъ.

И когда въ антрактахъ того-же спектакля я слышалъ:

— Не оценичи!

И въ этомъ я вникалъ всецѣло театру.

„Мѣсяца въ деревнѣ“ создалъ пѣтулю явку въ русскомъ театру, онъ — предтеча той драматургии, которой мы, Чеховская“.

Онъ на пороги къ „Внѣшнему саду“.

Онъ въ теченіе десятихъ лѣтъ не сходилъ со сцены Александринскаго театра

Пока Вирочка играла Савина. Ракитина Далматова. Большинова-Варламова. Вильяма — Петрова. Наталью Петровну — Абаринова. Елизавету Богдановну — Стрѣльскую. Исачева — Савиновъ.

„Каждый разъ, когда я играла Вирочку, — вспоминаю Савина въ своихъ мемуарахъ, — между мной и публикой было то“.

Въ этомъ „то“ секретъ сценичности. особенно при передачѣ Тургеневскихъ полутоновъ.

И этимъ токомъ не слагалъ Ху-

дожественный театру.

Можетъ-быть, его убилъ сто реальныхъ

Виды нервы изматываются. Притупляются Привычки.

Такая мысль вошла въ паразитизмъ. Очень видный провинціальный актеръ недавно, когда разъ зашла о Художественномъ театру, сказалъ мнѣ:

— Десять репетицій способомъ убить самую лучшую роль. Выжать изъ нея все соки. Обезвредить самое дорогое, въ театру.

Можетъ-быть, и въ Художественномъ театру несть подъемъ, все нервная энергія переотбѣла за время томительно долгой муштровки и подготовки.

Можетъ-быть. Видъ за два мѣсяца ежедневнаго „ученія“ в Бѣзъвъ могъ находить Вирочку, в Ракитин могъ разлюбить Наталью Петровну.

Непосредственность чувствъ и переживаній могла давно превратиться въ скучную обязанность говорить сначала похъ сѣфлера, а потомъ и безъ сѣфлера — красивыми словами Тургенева текста.

И когда пришлось въ одинъ вечеръ сдать экзаменъ, слова померкли. Выливали. Выцѣли. И только пустыми фразами въ холодную раму работы режиссера, декоратора и буфетора.

Есть — пѣсни безъ словъ.

Въ Художественномъ театру „Мѣсяца въ деревнѣ“ былъ „словомъ“ безъ пѣсней“.

„Мѣсяца въ деревнѣ“ — стихотвореніе въ прозѣ.

Въ Художественномъ театру онъ былъ прозой безъ стихотворенія.

Когда полъ шумъ весенняго дождя юная Вирочка признается въ своей любви студенту Вильяму, въ каждомъ разѣ партнера досадно чувствовалось, что расставаніе между „любимыми сердцами“ отбѣрено на нершки.

Что блѣдная Вирочка поустыитъ не такъ, какъ того хочетъ мнущееся чувство, а какъ того хочетъ режиссеръ.

И оттого въ Вирочку (г-жа Керенева) не было юности, не было соли, не было пѣтловъ, в оттого слова

бя мѣстами, какъ, напримѣръ, въ
сценѣ объясненія съ Натальей Пет-
ровной, звучали прямо фальшиво

Оттого в studente Ббляевъ (г. Болеславскій) говорилъ и дивился со столь паранте обдуманнмъ намъреніемъ, что и отъ него не вѣяло молодостью и беззаботностью двадцати лѣтъ.

А Ракитинъ — это болящая, красивая, страдающая душа. Этой баринъ из старых дворянских гниль. Самъ Тургеневъ. Почему его Станиславскій изображалъ просто страдающимъ припадкомъ черной меланхоли? Душа Ракитина гораздо богаче. Гораздо многотоннее. Гораздо глубже. И передаетъ ее сдвигъ разрывной походкой и замедленной речью великой

Только Кивиньперь дала Тургемескую Наталью Петровну. Не вытшій рисунокъ. Не модную картинку тѣхъ временъ. А свѣтлую, красивую, скорбную Наталью Петровну.

Такою первостепенною, такою маломаяною и такою бесконечно женственным.

Безкачественно мягкую.

Гордая и покорная. Сильная и слабая въ своей подчиненности. Въ своемъ женскомъ рабствѣ.

И в то время, как на других костюмы время, давно похороненных, сидят какими-то ярыком, какой-то условной надписью, на Книппер даже платья прабабушек дадут усть снохи, ея интимную страницу, ея психологический изоръ.

Здесь вышнее связано с гармонией внутреннего, здесь проявляемая стилизация, здесь не только нарисованная, но и одухотворенная глава романа

Этой нарисованности, этих анти-карных справок на всем остальном к "Мясяц в деревне" слышном много.

Мертвые справля Мертвца ри
сунки

Какъ мертвыя и декорація Добу
жиянскаго

Добужинскій по самой натурѣ сво
его дарованія—археологъ.

Его занимает уголскъ старой черепичной лютневской крыши

Онъ любить уаки кривыя улицы
старой Вильны

Онъ увлекается реставрацией стариннаго Петербурга.

Как декоратор, съезд пишет отличные эскизы для „Липедиста Роберт и Марион“, знакомые Москвитам с спектаклей старинного театра барона Драгона.

Но это старинный театр. XIII
век. Раскопки.

Совсемъ другое дѣло — Турго-
невъ съ нашими чувствами. Нашей
грустью. Нашей влеченіемъ.

Съ запущенной, но живой въ думѣ
каждого изъ насъ аллея „дворянскаго
гнѣзда“. Съ подернутымъ пѣсенною
прудомъ. Съ мраморной скамьей. Съ
блѣдыми гобеленами.

Эту природу нельзя взять археологически. Къ ней нужно подойти шире. Ее нельзя доказать документами. Ее надо носить въ душѣ.

■ Если надо любить любовью Левитана, Свирова, Коровина.

И не вина Добужинского, если такая природа ему не удастся. Она у него как-то засушена. Плоска. Без перспективы.

Декорации комнатъ лучше. Они стильно вѣсны. Но въ нихъ больше графика, чѣмъ жизни. Ланія не говоритъ, а только лежитъ.

Какимъ, напримѣръ, холодомъ въ-
 деть отъ красивой угловой комнаты
 третьего эта.

Есть люди дальновзорные Ихъ глаза
видитъ лучше на опредѣленномъ отта-
деніи

Такая дальновзорность—отличительная черта Добужинского.

То, чего не дастъ Левитанъ, дастъ Добужинъ. А И, наоборотъ, что дастъ Добужинъ, не дастъ Левитанъ.

Но для Тургенева нуженъ Левитанъ. Нужна не исторія, а психоло-

Но исторически 'Місяць въ деревнѣ' на сценѣ Художественнаго театра выявленъ шумно и пышно.

Одно пальто Станиславского въ
последнемъ актѣ чего стоять!

Или фигура шайда-гувернера.
Или маляника

Все сфотографировано. Все снято
тено. Все документально зафиксиро-

Но 12 протоколомъ фотографі-

исчезъ „старый баринъ“ Тургеневъ.
Исповедь его мяская акварель

Его жвеза душа.
Его прелесть

ЭМ. БЕСИМНЪ.

В. В. Лужскій.
(Къ 20-лѣтію сценической дѣятельности).